

«КАК РАЗРЕШИТЬ РЕЛИГИОЗНЫЙ ВОПРОС В СССР»: ДВА ПРОЕКТА ПОЗДНЕСТАЛИНСКОГО ПЕРИОДА

В представленной статье на основе архивных документов автор анализирует антирелигиозный дискурс и антирелигиозные практики советской эпохи, выясняет, насколько глубоко внедрились в индивидуальное и общественное сознание антирелигиозные представления, каковы были антицерковные настроения, как виделась авторами документов историческая перспектива верующих, церкви и религии в СССР.

Ключевые слова: религия, церковь, верующие, антирелигиозная пропаганда, религиозный вопрос.

В основу статьи положены два архивных документа, впервые введенных в научный оборот. Они представляют особый интерес, поскольку, являясь неофициальными (не исходящими из государственно-партийных структур) источниками, позволяют выяснить, какое воздействие оказывала масштабная антирелигиозная работа на советских граждан. Это тем более важно, что данная проблема не получила достаточного освещения в отечественной историографии, несмотря на обилие работ, посвященных государственной политике в отношении религии и церкви [Бакаев, 2002; Сосковец, 2008], государственно-церковным отношениям [Васильева, 1999; Горбатов, 2008], положению религиозных организаций в СССР [Шкаровский, 1999; Сосковец, 2003].

Речь идет о двух письмах, первое из которых появилось в 1948 г., второе – в 1951 г. Они ставили перед собой общую задачу – изложить личностное видение того, как должна вестись работа по ликвидации религии и церкви в СССР. Первый отправитель определил это в начале обращения следующим образом: «Считаю своим долгом, как член ВКП(б), много лет работающий над вопросами религии и церкви, сообщить Вам

свои мысли о том, как, по-моему мнению, должна развертываться антирелигиозная пропаганда¹. Автор второго письма озаглавил свое послание «Как разрешить религиозный вопрос в СССР» и изложил детальный «проект» достижения цели². Но так как возраст, образование, жизненный опыт и социальный статус составителей «проектов» были разными, то и конкретные предложения и способы аргументации в пользу предлагаемых мероприятий были различными.

Автором первого послания был Ю. В. Садовский – заместитель председателя Совета по делам религиозных культов. Поскольку он являлся многоопытным антирелигиозником, профессионально участвовавшим в решении «религиозного вопроса» в стране, то его предложения характеризовались некоторой осторожностью, сопровождалась развернутыми аргументами псевдонаучного толка. Впрочем, последние не отличались особой оригинальностью, а были, скорее, трафаретными парафразами тогдашней атеистической пропаганды. В частности, он напоминал, что религия давно лишена в стране социальных корней и представляет собой «пережиток капиталистического сознания», верующие же являют собой лишь

¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 132. Д. 6. Л. 131.

² ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 749. Л. 157.

«экономический базис церкви», причем базис весьма колеблющийся, «в возрастающем темпе разрушающийся в вероисповедном и ритуальном отношении». «В то же время церковь, – подчеркивалось в письме, – это по-прежнему хорошо организованная структура, спаянная иерархической и дисциплинированной системой корпоративного духовенства»³. Отсюда – понимание автором, что «религиозный вопрос» пока быстро решить не возможно, тем более, что церковь, по его мнению, ловко приспосабливалась к изменявшимся условиям существования в стране.

Автором второго послания был студент историко-филологического факультета Винницкого пединститута Павел Давидович Карлинер (так он представился в конце письма, где указал свой адрес, при том, что на конверте и фамилия, и адрес были иными). В отличие от предшествующего документа, его проект «разрешения религиозного вопроса в СССР» был крайне радикален, а стилистика письма напоминала яростную антирелигиозную пропаганду времен действия «Союза безбожников».

Студент не вдавался в длительное теоретическое объяснение, почему в стране строящегося коммунизма все еще остаются религия, церкви, верующие. Он только полагал, что так не должно быть, и «религиозный вопрос» должен быть решен еще «до построения коммунизма», чего оставалось ждать, по его представлению, не долго. А с теми темпами, которыми исчезали религия и церковь, – высказывал автор письма озабоченность, – можно было и не успеть с их ликвидацией к назначенному сроку.

Причину недостаточно высокой скорости изживания «пережитков» он видел в том, что силами только антирелигиозной пропаганды с этой задачей не справиться. Для того чтобы «разрешить религиозный вопрос в СССР» раз и навсегда, – писал этот «воинствующий безбожник», – одной пропаганды недостаточно, поэтому он предлагал «ликвидировать многочисленную сеть церквей и церковную организацию»⁴. А поскольку автор отдавал отчет, что «сделать это каким-либо правительственным или другими подобным (насильственным) мероприятием, бесспорно, преступная глупость не толь-

ко с точки зрения внутренней стороны вопроса, но в особенности с точки зрения международной», то предлагался собственный план решения этого вопроса.

Суть его проекта заключалась в том, чтобы принудить все имеющиеся в стране церкви и религиозные объединения «добровольно» заявить о самороспуске и самоликвидации. Автор подробно изложил, как нужно действовать в отношении каждой церкви в СССР, чтобы добиться конечного результата – самороспуска. Начинать, по его мысли, надо было с Русской православной церкви, как самой крупной, чей пример и призыв к самоликвидации мог бы послужить наиболее веским аргументом для других конфессий. Карлинер предлагал соответствующим образом «поработать» с Патриархом Московским Алексием, который и должен был обратиться с посланием ко всем православным верующим, суть которого будет сводиться к призыву к самороспуску Патриархии. «На основании многих данных, – утверждал студент, – можно считать, что патриарх Алексей – достаточно наш (подчеркнуто в тексте. – Л. С.) человек и, если не сразу, то на 95 % после более или менее длительной обработки (вплоть до шантажа судьбой духовенства) согласится сделать это»⁵.

Уже первое предложение автора позволяет нам понять, какие антицерковные и антирелигиозные идеи были внедрены в сознание молодого человека, выросшего и воспитанного в советской системе. Например, заявление о том, что Патриарх вполне «наш человек», не могло возникнуть на пустом месте. Еще со времен Декларации митрополита Сергия (1927 г.) в обществе было распространено мнение, что руководство РПЦ вступило в альянс с советским государством, а с началом сталинской политики либерализации (1940-е гг.) это мнение только окрепло.

Идея взаимовыгодного тактического союза руководства РПЦ и советского государства была озвучена и в письме Ю. В. Садовского. «Церковь, – подчеркивал он, – на сегодняшний день не стремится к политическому разрыву с государством, более того, она пока лояльно и положительно вы-

³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 132. Д. 6. Л. 131.

⁴ ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 749. Л. 157.

⁵ Там же. Л. 158.

полняет свои функции, вытекающие из своего союза с ним»⁶.

Высокопоставленный функционер Совета по делам религиозных культов, несомненно, хорошо знал, какие положительные функции для государства выполняет церковь. Одну из них он назвал в своем письме: верующие, организованные в церковные структуры, легче контролируются государством через сами руководящие центры конфессии. Исходя из этого, Садовский предлагал, в отличие от его винницкого «коллеги», наоборот, пока не спешить с разрушением и ликвидацией церковных структур, ибо это могло грозить потерей контроля над значительной массой верующего населения. Вместе с тем он не идеализировал церковно-государственный альянс и полагал, что продлятся такие «союзнические» отношения не долго. Причину он видел в том, что политическая лояльность церкви будет проявляться до определенной поры: по мере сужения ее социально-экономической базы в лице советских верующих, вокруг нее выкристаллизуются наиболее реакционные элементы, чья политическая враждебность строю социализма будет очевидна, тем более что она постоянно подогревается соответствующей зарубежной пропагандой. И тогда истинное лицо «служителей» церкви станет заметно для простых советских граждан. Таким образом, произойдет окончательный уход из религии тех, кто раньше ее исповедовал.

При этом ждать такого естественного хода вещей Садовский не предлагал. Наоборот, он считал необходимым в антирелигиозной работе применять «строго конъюнктурно» следующие тактические приемы. По его мнению, в атеистической пропаганде надо было усилить мысль, что в стране победившего социализма существуют действительная свобода совести и свобода отправления культа. Целевая установка такого аспекта пропаганды виделась в опровержении «клеветнических измышлений», «широко и крепко бытующих в массе», показе «возможности сосуществования двух идеологических систем, борющихся между собой только силой идей»⁷.

В данном предложении Садовского стоит обратить особое внимание на два аспекта: во-первых, признание, что в общественном

сознании существовало убеждение об отсутствии в СССР свободы совести. Во-вторых, весьма оригинальна была мысль пропагандировать идею о сосуществовании (пусть временном) двух идеологий в стране, которые де исключительно мирно конкурируют. Понятно, что данное предложение призвано было попытаться обеспечить более приемлемый внешний имидж страны, поскольку образ тоталитарного большевистского государства уже прочно сформировался в зарубежном общественном сознании.

Основную целевую установку другого предложения по содержанию атеистической пропаганды Ю. Садовский видел в доказательстве того, что «коммунисты не ведут политическую борьбу с церковью как таковой и лишь стремятся обезопасить трудящихся от происков политических дельцов, угрожающих ввергнуть мир в новую войну и бедствия»⁸. Под политическими дельцами антирелигиозник понимал наиболее реакционные круги церкви внутри страны (а такие имелись, по его мнению, несмотря на официально проявляемую лояльность) и те зарубежные силы, которые стремились использовать религию и церковь в борьбе с советским государством.

Таким образом, не отказываясь от борьбы с религией и соответствующей антирелигиозной пропаганды, заместитель председателя Совета по делам религиозных культов предлагал придать этой деятельности более завуалированный характер.

Как уже отмечалось, антирелигиозник из Винницы был менее тактически изощрен, но и в предложениях Карлинера можно обнаружить хорошие знания тех приемов, которые государство уже апробировало в антирелигиозной деятельности. Например, его убеждение, что Патриарха можно принудить сотрудничать с властью в деле ликвидации церковной структуры, шантажируя судьбой духовенства. Действительно, Патриарх не мог не знать, какой могла оказаться судьба духовенства, если государство вздумало бы вновь бороться с церковью методами 1920–1930-х гг. Но еще более показательна была формулировка предлагавшегося варианта действий государства в случае, если вдруг Патриарх откажется-таки выступать с воззванием о самороспуске Русской

⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 132. Д. 6. Л. 132.

⁷ Там же. Л. 135.

⁸ Там же. Л. 136.

православной церкви (РПЦ). Предвидя и такую возможность, Карлинер высказывал следующее: «...Естественно, что 74-летний старик умирает, и созванный собор, конечно, выбирает человека, с которым все это заранее согласовано или просто агента госбезопасности в епископской рясе»⁹.

Таким образом, продемонстрировано большое знание того, что государство могло предпринять, если бы захотело заставить церковь действовать, как ему было необходимо: и «организовать смерть Патриарха», и «избрать» на его место нужного человека или прямого агента госбезопасности. Нас же поразить может лишь то, что ничего «фантастического» в таких предположениях не было: государство не только могло, но нередко действовало именно так. Но автор понимал и то, что в тот период власть не могла еще себе позволить открыто уничтожить церковные структуры, поэтому-то придумал идею с якобы их самоликвидацией. Как он дальше видел этот вариант?

Итак, Патриарх выступает с обращением (одобренным Синодом) ко всем верующим РПЦ, в котором признает, что в стране, строящей «рай на земле» – коммунизм, проповедь церкви о рае небесном не только не актуальна, но и вредна, поскольку мешает этому строительству. Потому, дескать, Патриарх призывает всех верующих выразить свое мнение о самороспуске за ненадобностью церкви и проголосовать за таковое путем прямого, равного и тайного голосования. Если большинство верующих проголосует за, то все церковные инстанции самораспускаются. Если же не проголосуют, что, как писал составитель проекта, «реально ни за что быть не может, но если уже вдруг, в крайнем случае, (0,01 % вероятности), то у нас знают, как фальсифицировать (подбавив “за” каких-то 5 % голосов) голосование»¹⁰. Таким образом (вольно или невольно?) была обнажена еще одна технология советского политического режима

При этом составитель рассматриваемого проекта настойчиво рекомендовал тщательно соблюсти все формальные моменты, связанные с голосованием верующих и духовенства по вопросу о самороспуске (он их подробно расписал). У него получилась демократическая процедура, когда голос каж-

дого верующего, каждого священника должен якобы быть учтен, и вопрос о ликвидации церкви быть решен путем такого всеобщего свободного волеизъявления, в конечных результатах которого, как уже отмечалось, он почти не сомневался. Хотя одно препятствие он видел-таки – это «яростное сопротивление церковников».

Чтобы его сомнение («...все это может в значительной степени провалиться или не дать нужного эффекта (в особенности международного)») не нашло подтверждения в реальной практике, он предлагал предусмотрительно подстраховаться: обеспечить материально вынужденных остаться без дела служителей культа. По мысли студента, им следовало выплачивать особую государственную пенсию. Причем такое обещание государство должно было сделать публично и заранее, еще до начала процесса голосования. «Все это предотвратит сопротивление и враждебную агитацию духовенства против самороспуска Русской православной церкви, который можно будет провести без всякого применения какого-либо насилия, что значительно усилит его международный эффект»¹¹.

После того как будет решен вопрос с РПЦ, автор предлагал повторить сценарий проведения процедуры для мусульманских объединений: те же обращения к верующим муфтиев, то же голосование мусульман относительно самороспуска. Властям лишь следовало позаботиться убедить верующих-мусульман, что предлагаемое голосование о самороспуске «ни в какой мере не посягает на мусульманскую веру вообще».

«Ликвидировав» две церкви, П. Д. Карлинер не остановился на этом, и далее в его письме был изложен план, как надо действовать относительно католической церкви в стране, добиваясь ее «саморешения» о самороспуске. Он сразу признавал, что, пожалуй, это будет самая сложная для выполнения часть плана «ввиду более значительной веры в нее верующего населения и с точки зрения международной»¹². Тем не менее опять предлагалось добиваться («может быть без особого труда, но если нет, то надо тактично применить все возможное») соответствующего воззвания лидера католической церкви в СССР, затем провести голо-

⁹ ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 749. Л. 158.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же. Л. 160

¹² Там же.

сование верующих католиков о самороспуске общин. На протесты же Папы Римского, кои обязательно последуют, рекомендовалось «послать единственный короткий и выразительный ответ: голос народа – глас божий», причем рекомендовалось сделать это на латинском языке¹³. При этом и мусульманское, и католическое духовенство, высказавшееся за ликвидацию своих церквей, должно было материально поддерживаться государством, как и в случае с православным.

Когда три крупнейшие конфессии прекратят свое существование, – размышлял дальше студент, – надо будет все вышеизложенное повторить относительно других религиозных обществ и сект, учитывая каждый раз специфические условия того или иного вероисповедания.

В заключение письма автор делал вывод, каково же будет значение проведенной работы по окончательной ликвидации в СССР церковных и религиозных структур путем самороспуска. «Разрешение религиозного вопроса в СССР таким демократическим способом, – высказывался он, – будет иметь огромное международное значение. Во-первых, потерпят крах попытки разжечь религиозную вражду к народам СССР со стороны зарубежных католиков и мусульман, ведь верующие в нашей стране добровольно выскажутся за роспуск церквей. Во-вторых, будут обречены на провал все прочие другие клеветнические выдумки». «В-третьих, разрешение религиозного вопроса в СССР, – полагал отправитель письма, – нанесет сильнейший удар по религиозному мировоззрению вообще и, следовательно, по мировой реакции и империалистическому лагерю. В-четвертых, будет ликвидировано немаловажное препятствие на пути советского народа к коммунизму. И, наконец, странам народной демократии будет показать путь решения такой же задачи»¹⁴.

Последнее замечание, на наш взгляд, весьма существенно. Можно с большой долей уверенности предполагать, что желание убедить товарищей из стран недавно образованного социалистического лагеря в том, что религия, церковь и, тем более, верующие в СССР не подвергаются каким-либо преследованиям, научить их, как сподруч-

нее решать у себя религиозный вопрос, было немаловажной причиной, заставившей авторов анализируемых документов взяться за перо. Особенно это заметно у Ю. Садовского, как опытного работника, желавшего поделиться с коммунистами из «братских» стран этим опытом. Очевидно, он понимал, что советская практика ликвидации церкви методами 1920–1930-х гг. для них не подойдет – другая историческая внутренняя и международная обстановка, – потому и предлагал проводить антирелигиозную работу, прикрывая ее пропагандой о соблюдении свободы совести и др.

Завершая разбор названных документов, следует отметить, что возникли они в период, когда еще действовала инерция решения И. Сталина о некоторой либерализации жизнедеятельности церкви в СССР. Правда, к концу 1948 г. стало очевидно, что на дальнейшее расширение «церковной сети» государство идти не намерено. С этого времени практически перестали удовлетворяться ходатайства религиозных организации об их регистрации и предоставлении им молитвенных помещений. Стало быть, авторы разбираемых писем понимали, что наметившееся с 1943 г. некоторое облегчение участи религиозных объединений было временным явлением, продиктованным тактическими соображениями, а впереди – новые бои на антирелигиозном «фронте». «Чуткое ухо» антирелигиозников вполне уловило эти ориентиры, которые, по видимому, вполне совпадали с их внутренним настроением. Анализируемые письма были написаны их авторами добровольно, продиктованы желанием внести свой вклад в будущую и неминуемую победу над религией, церковью, верой¹⁵.

При этом и «прагматик» Садовский, и «радикал» Карлинер исходили из вполне стереотипного (и не только бюрократического) представления о том, что конфессиональные организации в СССР настолько

¹³ ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 749. Л. 161.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Реакция адресата на письма была следующая: на письме Ю. Садовского была наложена резолюция заведующего сектором Отдела пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) А. Болгова: «Предложения Ю. Садовского были учтены при разработке проекта постановления ЦК ВКП(б) «Об антирелигиозной пропаганде» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 132. Д. 6. Л. 138). Письмо П. Карлинера сочли провокацией, – оно было оставлено без ответа, а один его экземпляр был передан в МГБ СССР (ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 749. Л. 156).

огосударствлены и подконтрольны власти, что сроки и формы их существования, равно как и устрания, поддаются планированию и реализации.

Список литературы

Бакаев Ю. В. Власть и религия. История отношений. 1917–1941. Хабаровск: ХТГУ, 2002. 199 с.

Васильева О. Ю. Русская православная церковь в политике советского государства в 1943–1948 гг. М.: ИИ РАН, 1999. 199 с.

Горбатов А. В. Государство и религиозные организации Сибири в 1940–1960-е гг. Томск: Изд-во ТГПУ, 2008. 408 с.

Сосковец Л. И. Религиозные конфессии Западной Сибири в 40–60-е годы XX века. Томск: Изд-во Томск. гос. ун-та, 2003. 348 с.

Сосковец Л. И. Религиозные организации и верующие в советском государстве. Томск: Изд-во «ТМЛ-ПРЕСС», 2008. 252 с.

Шкаровский М. В. Русская православная церковь при Сталине и Хрущеве. М.: Крутицкое Патриаршее подворье, 1999. 400 с.

Материал поступил в редколлегию 25.09.2010

L. I. Soskovets

«HOW TO DEAL WITH RELIGIOUS PROBLRMS IN THE USSR»: TWO PROJECTS OF STALIN'S LATEST PERIOD

In present article the author analyses antireligious discourse and antireligious practices of the Soviet period and the depth of antireligious ideas in social consciousness; reveals as the authors of documents regard to historic outlook of believers, church and religion in the USSR. Also the antireligious state of public opinion is given. The research was based on archival documents.

Keywords: religion, church, believers, antireligious propaganda, religious question.